

**Отголоски художественного мира А. Н. Островского
в романах П. Д. Боборыкина***

Как известно, творчество позднего А. Н. Островского иногда вызывало негативную реакцию у современников. П. Д. Боборыкин утверждал, что Островский «только смеялся над своими купцами и редко забирал глубже», что «он совсем не захватил новейшего развития нашего буржуазного мира, когда именно в Москве купеческий класс стал играть и более видную общественную роль». «Центральный тип смехотворного “Кита Китыча” уже сошёл со сцены, — говорил Боборыкин, — Надо было совсем иначе относиться к московской буржуазии. А автор “Свои люди — сочтёмся!” не желал изменять своему основному типу обличительного комика, трактовавшего всё ещё по-старому своих купцов. Такое добровольное пребывание в старых комических тенётах объясняется отчасти жизнью, которую Островский вёл в последние двадцать лет. Наблюдательность должна питаться всё новыми “разведками” и “съёмками”. А он стоял в стороне не только от того, что тогда всего сильнее волновало передовую долю общества, но и от писательского мира. Ни в Петербурге, ни в Москве он не был центром какого-нибудь кружка, кроме своих коллег по обществу драматургов»¹.

В открытую художественную полемику с Островским Боборыкин вступил в романе «Китай-город» (1882). Юная дворянка Тася Долгушина влюбляется там в просвещённого предпринимателя Рубцова, заводит дружбу с владелицей фабрики и примеривает к ним литературные типы Островского. «В голове Таси сидело множество лиц из купеческих комедий. Она всё и сравнивала. Анна Серафимовна ни под какое лицо не подходила. С Рубцовым они уже разговаривали. И его она прикидывала к разным “Ваням”, “Андрюшам” и “Митям” из пьес Островского, но и он

© Лебедев Ю. В., 2013

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научно-го проекта № 13-04-00113.

¹ *Боборыкин П. Д.* Воспоминания: в 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 295—296.

отзывался совсем не тем; только в говоре был слышен иногда купеческий брат... В нём всё прочно сложилось. Он много жил, много видал за границей, работал, говорил грубовато, смело, без утайки и с каким-то “себе на уме” в глазах, которое ей нравилось»¹.

Если Островский в комедии «Бешеные деньги» говорит о непримиримом антагонизме между дворянами и купечеством, то Боборыкин в своём романе показывает возможность плодотворного их союза. Культурная девушка из дворян становится невестой молодого буржуа. Вот они посещают Третьяковскую галерею. И оказывается, что Рубцов знает русскую живопись лучше Таси Долгушиной. Он «начал указывать ей на портреты работы старых русских мастеров. И фамилий она таких никогда не слышала. Постояли они потом перед этюдами Иванова. Рубцов много ей рассказывал про этого художника, про его жизнь в Италии, спросил: помнит ли она воспоминания о нём Тургенева? Тася вспомнила и очень этому обрадовалась. Также и про Брюллова говорил он ей, когда они стояли перед его вещами. “Всё он знает, — думала Тася, — даром что купеческий сын; а я круглая невежда — генеральская дочь!”» (416).

«Я не думала, что вы так широко смотрите на вещи», — говорит она Рубцову и слышит в ответ: «Не обижайте. Ежовый у меня облик. Таким уж воспитался. А внутри у меня другое. Не всё же господам понимать, что такое талант, любить художество. Вот, смотрите, купеческая коллекция-то... А как составлена! С любовью-с... И писатели русские все собраны. Не одни тут деньги — и любви немало. Так точно и насчёт театрального искусства. Неужели хорошей девушке или женщине не идти на сцену оттого, что в актёрском звании много соблазну? Идите с Богом! — он взял её за руку. — Я вас отговаривать не стану» (417).

Полемика с Островским очевидна также в романе Боборыкина «Василий Тёркин» (1892). С лёгкой руки национального драматурга доминантой в психологии выпущенного на сцену русского купца была нажива. Боборыкин с этим не согласен: «Нет! Не о том мечтает Василий Теркин, а как раз об охране родных богатств. Если бы судьбе угодно было, чтобы такие угоды, как

¹ Боборыкин П. Д. Китай-город. Роман в пяти книгах. М., 1957. С. 354. Далее ссылки на это издание привожу в тексте с указанием страницы.

лесная дача при усадьбе “Заводное”, попали в его руки, — он положил бы на нее всю душу, завёл бы рациональное хозяйство с правильными порубками. Может быть, и совсем бы не рубил десятки лет и сделал бы из этого дремучего бора “заказник”»¹.

В романе раскрывается история предпринимательской деятельности героя: «Начал с одного парохода, завёл дело на Каспийском море, а теперь перемахнул на верховья Волги, сплотил несколько денежных тузов и без всякого почти труда проводит в жизнь свою заветную мечту. И совесть его чиста. Он не для “кубышки” работает, а для общенародного дела. С тех пор как деньги плывут к нему, он к ним всё равнодушнее — это несомненно»².

Конечно, на фоне художественно полнокровных типов Островского положительные характеры русских буржуа в романах Боборыкина бледноваты. Но они и не могли получиться иными, поскольку в реальной жизни таких людей было мало. Вспомним, что с подобной же проблемой столкнулся тогда и И. А. Гончаров в процессе работы над образом Тушина в «Обрыве»:

«Рисовать трудно и, по-моему, просто нельзя с жизни, ещё не сложившейся, где формы её не устоялись, лица не наслоились в типы, — писал Гончаров. — Никто не знает, в какие формы деятельности и жизни отольются молодые силы юных поколений, так как сама жизнь окончательно не выработала новых окрепших направлений и форм. Можно в общих чертах намекать на идею, на будущий характер новых людей, что я и сделал в Тушине. Но писать самый процесс брожения нельзя: в нём личности видоизменяются почти каждый день и будут неуловимы для пера»³.

Боборыкин-романист как раз и специализировался на изображении мимолётных и ещё не окрепших характеров и общественных течений. Тонкую характеристику особенностям его манеры дал в своё время К. Ф. Головин: «Его специальность — отражать на себе все оттенки изменчивого облика русской общенности от внешних её проявлений, в том числе самых мелких, до внутренней её сути. <...> Каждое новое его произведение непременно отмечено духом и колоритом эпохи, в том числе даже

¹ Боборыкин. П. Д. Сочинения: в 3 т. Т. 1. М., 1993. С. 150.

² Там же. С. 374—375.

³ Гончаров И. А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1972. С. 479.

её костюмов, модой, господствующей в данный момент. Печать современности лежит на них до того ярко, что потомство, если оно станет читать эти произведения, найдёт в них очень ценные указания для восстановления картины русских нравов в каждую данную минуту¹.

Обвиняя позднего Островского в художественной глухоте к тем переменам, которые совершались в мире русского купечества, Боборыкин высоко оценивал первый этап его творчества, завершившийся драмой «Гроза». В программной статье «Островский и его сверстники» (1878), «не приемля добролюбовского определения “пьесы жизни”, Боборыкин называет пьесы Островского комедиями нравов»². По его мнению, глубина проникновения драматурга в нравственные коллизии придаёт главной героине «Грозы» Катерине Кабановой не узко сословный, не купеческий только, а общенациональный и общечеловеческий интерес.

В романе «Жертва вечерняя» (1868) Боборыкин показывает «трагедию женской души, чуть было не загубленной в великосветском разврате»³. Роман написан в форме исповеди-дневника героини. Решив покончить с жизнью, опустошённая Марья Михайловна вместе с двоюродным братом Степаном объезжает напоследок все петербургские театры, в том числе и Александринку, где идёт драма Островского «Гроза». И всё, что случается с Марией Михайловной далее, убедительно опровергает популярный в XX веке скептический взгляд на художественный мир Островского. Вспомним характерное: «Мир Островского — не наш мир, и до известной степени мы, люди другой культуры, посещаем его как чужестранцы... Он дал некоторое отражение известной среды, определённых кварталов русского города; но он не поднялся над уровнем специфического быта, и человека заслонила для него купец»⁴.

¹ Головин К. Русский роман и русское общество. СПб., 1997. С. 386—387.

² Хромова И. А. А. Н. Островский в русской критике 1870—1880-х годов (П. Д. Боборыкин) // А. Н. Островский. Материалы и исследования: Сб. науч. тр. Шуя, 2006. С. 56—57.

³ Овсянко-Куликовский Д. Н. П. Д. Боборыкин // История русской литературы XIX века. Т. 5. М., 1911. С. 138.

⁴ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 263—264.

Приведём довольно большую цитату из романа «Жертва вечерняя», где Боборыкин показывает, как глубоко переживает трагедию Катерины Кабановой человек «другой культуры», русская женщина из великосветского общества:

«— Выбери мне что-нибудь хорошенькое, — говорю я Стёпе, — пострашнее и пожалостнее.

Он смеётся и замечает мне:

— Ты, Маша, точно малый ребёнок стала. Вдруг тебе полюбились зрелища.

— Ведь это на прощанье, — говорю я ему, — на прощанье. Посуди ты сам, я не видала ни одной хорошей русской пьесы.

Привозит он мне билет и говорит:

— Мы очень удачно попадём. Пьеса заигранная, правда, но для тебя она будет нова и удовлетворит твоей программе: и страшна, и чувствительна.

— Какая же это пьеса? — спрашиваю.

— “Гроза” Островского.

— Ну, и прекрасно, говорю. — Значит, и гром, и молния есть в ней.

— Конечно.

Поехали мы семейно. Мне почему-то захотелось взять Володю. Я пригласила и его дядю. Стёпа взял мне литерную ложку.

Есть ли провидение, я не знаю; но что есть какая-то рука, которая открывает вам затаённую глубину вашей души, я это вижу.

Суждено мне, видно, было попасть на такую пьесу, и я попала на неё. С поднятия занавеса я ушла вся на сцену, точно будто что внутри меня шептало: “Смотри, не пропусти ни одного слова”.

Я и не пропустила ни одного слова. Сначала мне было очень дико слушать какой-то смешной язык каких-то не то мужиков, не то купцов. Потом явилось целое семейство: старая и злая купчиха с сыном, дочерью и невесткой. Она поворчала и ушла, а за ней и сын. Какой-то толстенький актёр, уходя, рассмешил публику. Героиню нетрудно было узнать. Играла её красивая, высокая актриса. Говорила она всё как-то на одну ноту; но зато к ней шёл сарафан и странный какой-то кокошник с покрывалом. Хорошо, что она внятно читала свою роль. Автор — умный человек. Сейчас же заставил эту Катерину рассказывать про себя. Мы ведь с этого всегда начинаем, когда с нами бывает плохой конец. Я не

знаю, зачем это она всё рассказывала тут; но я её полюбила, полюбила не за то, что значилось в её излияниях; а мне просто стало жалко этой женщины: она шла слепо, как и я же, к роковому концу. Она-то разливается в своём мистическом лиризме; а её confidente вся преисполнена плоти и крови, только и ждет сообщницы по части “гулянья”, как говорили бывало мои больные.

В антракте между первым и вторым действием я обратилась к мужчинам и спросила:

— Она ведь покончит с жизнью сама, по собственной воле?

— Разве это сейчас видно? — заметил мне Стёпа.

— Ещё бы! — сказала я и посмотрела на дядю. Он не глядел на меня. Ему было скучно в театре. Он даже и не чувствовал моего присутствия. Я говорю это без горечи. Для него любовь есть дело законное и семейное. Настроения минуты он не признаёт. Немой разговор чувства ему не нужен.

В своей ложе, окружённая тремя существами, дороже которых у меня никого нет, я была одна, совсем одна. Мне нужна была только пьеса. Она только и говорила со мной. Сцены летели передо мной. Я их глотала. И каждая минута жизни Катерины, совсем даже и не похожая на мою, подсказывала мне разные итоги. Ведь это всё равно: благочестивая купчиха или модная барыня. Беспомощность одна и та же. Для неё гром и молния были катастрофой, для неё геенна огненная — адское пугало; а для барынь — сотни мелких складочек, ядовитых морщинок. Они накопились и вытравили всю жизнь. А главный врач, главный искуситель всё тот же — избитая пружина: любовь!

Ну, зачем ей было любить, этой томной бабе, воспитанной на постном масле? Зачем ей было любить с затеями, с желанием вырваться из мертвящего болота, стать другой женщиной? Ведь это тоже безумная жажда самовоспитания, возрождения, восстановления, то же развивание!

“Бедная, безумная, глупая баба!” — повторяла я вплоть до пятого акта.

Но когда вышла она на предсмертный монолог в своем купеческом капоте и головке с ужасающей простотой и мещанством своего jargon, я вся замерла, сердце моё заныло, точно в агонии. Простые, мещанские слова Катерины резали меня, проходи-

ли вглубь и как-то невыразимо и больно, и сладко щекотали меня... звали за собой в омут, в реку, вон из жизни!

“Батюшки, как мне скучно!” — повторяла она, точно для меня одной во всей этой зале. У неё не хватило другого слова. Но в нём сидела вся тоска, вся смерть!

“Те же люди, те же разговоры”.

“Зачем ты добиваешь меня за один раз?” — чуть не крикнула я ей.

Да, вот она, неумолимая-то правда: “Те же люди, те же разговоры”. Ей опротивели разговоры постылых людей; а я бегу от разговоров любимого человека, я вижу, когда они придут, и станут меня убивать по крошечке.

“Возьми меня с собой, — прошептала я вслед Катерине, — кинь и меня в реку, дай ты мне хоть на одно мгновение твою смерть. Ты так хорошо покончила! Ты говорила о каких-то цветочках, которые вырастут на твоей могиле. Ты и в смерти-то шла на тяжкий, но сладкий грех! Почему же для меня нет ни грома, ни молнии, ни вечного пламени, ни ночного грешного загула с сердечным другом? Дайте мне глубокое суеверие! Дайте мне мрачное изуверство! Дайте мне детские грёзы, что-нибудь дайте мне, в чём бы я хоть на секунды забылась, как эта Катерина!”¹.

Получается, что женщина светского общества завидует Катерине. Ведь её душа согрета простонародной верой даже в минуту трагического исхода. В отличие от героини Островского, для Марии Михайловны нет ни Бога, ни ближних, ни добра, ни убеждений. В предсмертной записке она говорит: «Моя дрянная натура и тот гнилой мирок, где всё тлен и ничтожество, вместо новой и чудной жизни, свели меня в добровольную могилу. <...> Все вещи, напоминающие мою пустую и безнравственную жизнь, пускай пойдут прахом!»². Трагедия Катерины Кабановой оттеняет никчёмность героини Боборыкина, интеллектуально развитой, но духовно опустошённой.

¹ Бобрыкин П. Д. Жертва вечерняя. URL: http://dashkov.com.ua/russian_classic/boboryikin_pd/jertva_vechernyaya.mp3.2325

² Там же.